

нии, конечно, досадны, но они сравнительно легко устранимы и в целом окупаются искренним теплым отношением автора к описываемому ею народу, правильной позитивной оценкой его больших успехов.

В. И. Козлов, Н. Д. Пчелинцева

И. Мухиддинов. Особенности традиционного сельскохозяйственного хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX в. Душанбе, 1984, 194 с., с илл.

Советское памироведение за последние десятилетия достигло значительного развития. Об этом свидетельствуют и планомерно проводимые на Памире полевые исследования, и целый ряд публикаций по истории, этнографии, археологии, лингвистике этого региона. Одна из таких публикаций — «Очерки по истории Советского Бадахшана» (Душанбе, 1985), изданная в связи с 60-летием образования Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, включает статьи различной тематики, написанные учеными этой республики и Москвы¹. В 1984 г. в Душанбе стала издаваться тематическая серия «Памироведение», посвященная актуальным и малоизученным вопросам истории, этнографии, археологии, лингвистики Памира (второй выпуск серии вышел в 1985 г.).

Рецензируемая монография — еще одно интересное этнографическое исследование в области памироведения, основанное преимущественно на полевых материалах, собранных автором в экспедициях на Западный Памир в 1972—1974, 1976—1980-х годах. Это опровергает существующее в работах некоторых зарубежных востоковедов мнение о неисследованности данного региона. Так, Д. Скотт пишет, что с начала XX в., когда на Памире побывал путешественник О. Олуфсен², в этом регионе не проводилось существенных полевых изысканий³.

Рецензируемая работа — итог этнографических исследований традиционного земледелия и ирригации всех этнографических групп памирцев, начатых автором более 10 лет назад⁴. Земледелие у таджиков, как известно, с глубокой древности составляет важнейшую и высокоразвитую отрасль хозяйства. Углубленное изучение традиций земледелия этого народа, несомненно, имеет большое практическое значение, так как дает возможность зафиксировать, а в дальнейшем — широко использовать положительный опыт народа в развитии сельского хозяйства.

Следует отметить также новизну в подходе автора к некоторым теоретическим вопросам, например, к хозяйственно-культурным типам (ХКТ). И. Мухиддинов, учитывая ряд природно-географических факторов изучаемого региона, вполне обоснованно выделил его в отдельный ХКТ — оседлых пашенных земледельцев-ирригаторов и скотоводов высокогорных зон Западного Памира, Гиндукуша, Северных Гималаев и Каракорума. Выделение особого ХКТ внесло некоторые коррективы в предложенную Н. Н. Чебоксаровым и Б. В. Андриановым систему ХКТ, где авторы в этом горном подтипе «в» (тип 23 — оседлые пашенные земледельцы и скотоводы теплого пояса) объединили народы Кавказа, Передней, Средней и отчасти Центральной Азии (аварцев, афганцев, таджиков, кашмирцев и др.)⁵, не выявив особенностей земледельцев-ирригаторов высокогорных долин Западного Памира, Гиндукуша, Северных Гималаев и Каракорума.

Рецензируемая монография состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении охарактеризованы задачи исследования, прослежена связь изучаемого ХКТ с особенностями окружающей природно-географической среды, дается историографический очерк. Характеристика этнического состава изучаемого региона и общественного строя выделена автором в самостоятельную первую главу. Значительный интерес в этой главе представляют вводимые в научный оборот сведения о родových и соседских связях в кишлачной (соседской) общине, реализующихся при обработке земли.

Остальные три главы монографии детально характеризуют главную исследовательскую проблему — традиционное земледелие народностей Памира. Это — земледельческие орудия, их типология, способы и приемы работы с этими орудиями (II гл.); способы орошения и приемы полива полей, гидротехнические сооружения, водораспределительные устройства, классификация способов орошения высокогорного типа (III гл.); приемы возделывания сельскохозяйственных культур (IV гл.). Большой интерес представляют приведенные в этой главе материалы по народному сельскохозяйственному календарю и древнему исчислению времени, основанном «на движении солнца по частям тела человека „мужчины“ (исоби мард)».

Монография содержит таблицы, схемы, рисунки и фотоматериалы, наглядно иллюстрирующие традиционные способы обработки земли и ирригации, земледельческие орудия.

¹ См.: Розенфельд А. З. Очерки по истории Советского Бадахшана. — Сов. этнография, 1984, № 5, с. 152—154.

² Olufsen O. Through the Unknown Pamirs (Vakhan and Garan). L., 1904.

³ Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L., 1984, № 2, p. 217—228.

⁴ См. Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX веков. М.: Наука, 1975.

⁵ Чебоксаров Н. Н., Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — Сов. этнография, 1972, № 2, с. 15, карта.

Достаточно широко в книге И. Мухиддинова представлен терминологический аппарат — специальные названия, зафиксированные автором на различных языках и диалектах Памира. Правда, в записях и толковании ряда терминов допущены неточности. Так, характерные для шугиано-рушанской языковой группы долгие гласные нередко обозначены как краткие; не всегда удачна транскрипция приводимых терминов. Видимо, автору следовало бы более широко использовать в своей терминологической работе имеющиеся словари памирских языков и соответствующие лингвистические работы. Весьма полезным был бы глоссарий. В книге отсутствует также список сокращений и указатель географических названий. Большой список использованной литературы (306 названий) показывает, что автор в основном учел в своей работе имеющуюся к настоящему времени специальную литературу по Памиру, изданную в СССР и за рубежом. И все-таки некоторые важные исследования остались вне поля зрения автора. Так, работа И. М. Стеблин-Каменского «Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений» (М., 1982) не нашла отражения в книге И. Мухиддинова. А ведь в ней дан глубокий синхронный и диахронный анализ множества земледельческих терминов и рассмотрен ареал возделывания культурных растений на Памире.

Отмеченные отдельные недостатки не умаляют научного значения рецензируемой монографии, которая, несомненно, заинтересует не только историков и этнографов, но также лингвистов, ботаников, фольклористов и всех исследователей народной земледельческой культуры.

Д. Карамшоев, М. Рахимов

Л. С. Толстова. Исторические предания Южного Приаралья. (К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона). Отв. ред. Б. В. Андрианов. М., 1984, 246 с.

Основным методом в современных этногенетических исследованиях является, как известно, комплексный подход, т. е. широкое привлечение источников и методических приемов разных научных дисциплин — истории, этнографии, фольклора, лингвистики, археологии и др. Однако до настоящего времени вклад их в разработку этногенеза и этнической истории был неравноценен; так, например, данные исторического фольклора обычно играют вспомогательную роль по отношению к археологическим, этнографическим, языковым и антропологическим. Между тем возможности исторического фольклора намного шире, чем это нередко представляется, хотя реализации их требует более глубокой разработки ряда теоретических и методических вопросов, касающихся закономерностей формирования и развития исторического фольклора, закономерностей и особенностей распространения и миграции сюжетов и образов, систематизации и классификации материалов исторического фольклора, принципов его сравнительно-исторического анализа и т. д.

Монография Л. С. Толстой — одна из редких работ, посвященных всем этим вопросам. Автор последовательно проводит мысль о том, что исторический фольклор (в частности, Южного Приаралья) может быть самостоятельным источником при исследовании этногенетических сюжетов, этнических и культурных контактов различных народов (каракалпаков, отдельных групп узбеков и туркмен) на протяжении длительного времени — с древности до позднего средневековья.

Среди многих общетеоретических положений монографии наиболее ценным надо признать тезис автора о необходимости исследования поставленных проблем в рамках не одного или даже группы этносов, а в масштабах обширного историко-культурного региона (в данном случае Арало-Каспийского). Подчеркнем, что опубликованные в последнее десятилетие историко-этнографические исследования по разным народам доказали несомненную результативность ареальных сравнительно-исторических сопоставлений. обстоятельный обзор и анализ этих работ, сделанный автором во второй главе, подтвердил необходимость использования исторического фольклора населения Арало-Каспийского историко-культурного региона для изучения многих этнографических проблем, в том числе для разработки вопросов этногенеза. Доказательно выглядит один из главных тезисов автора — сохранение древних фольклорных сюжетов и образов в определенном ареале (Южном Приаралье) даже при смене языка его населения (с. 25 и др.).

Успешной реализации замыслов автора способствовал весьма внушительный корпус источников, накопленный Л. С. Толстой за многие годы работы. Эти богатейшие источники (преимущественно полевые и нарративные) компактно представлены в главе третьей. Дело, однако, не только в количестве и высокой информативности источников. Эффективность их вовлечения в исследовательский процесс существенно повышена благодаря умелой систематизации и обработке материала: имеются в виду классификация исторических преданий и легенд по сюжетам (с. 81—144); стремление, часто очень удачное, обнажить стратиграфические срезы фольклорных произведений, позволяющие подвергнуть их относительной датировке (с. 106 и др.); словесное фольклористическое (в одном случае и графическое) картографирование некоторых сюжетных групп или этногенетических линий; анализ «меры историзма» тех или иных жанров или произведений исторического фольклора (см. главы первую и третью). Эти методические приемы, учитывая различное происхождение использованных Л. С. Толстой